

М. Е. ДОБРУСКИН

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

История мировой философской мысли — сложный, многообразный и противоречивый процесс творческих поисков истины, путь решения жизненно важных проблем, волнующих все человечество. Преимущество и новаторство, монизм и плюрализм, сотрудничество и соперничество — такова диалектика исторического развития философии за все три тысячи лет ее существования.

Хотя каждая философская система, как отмечал Фихте, имеет «собственный язык», свой особый интеллектуальный потенциал, она так или иначе опирается на своих предшественников, включая в себя в исконном или преобразованном виде их идеи, полемизирует с ними или опровергает их взгляды¹. Но «опровергнуть философскую систему, — писал В. И. Ленин, — не значит отбросить ее, а развить дальше, не заменять другой односторонней противоположностью, а включить ее в нечто более высокое»².

С большим уважением философы разных направлений относятся к своим предшественникам, с которыми их связывает общность основных идей. Платон считал себя учеником Сократа, Аристотель — Платона, Чернышевский — Фейербаха, Маркс и Энгельс в период формирования своего мировоззрения выступали как ученики и последователи Гегеля и Фейербаха. Ленин с гордостью называл своими учителями основоположников марксизма. Но при всем этом «ученики» не следовали автоматически за своими «учителями», а шли дальше по тому же пути. Платон во многом отошел от Сократа, а Аристотель от Платона. Чернышевский обогатил антропологический материализм Фейербаха. Маркс и Энгельс критически переработали наследие классической немецкой философии. Ленин в новых условиях развил их учение, пересмотрев ряд положений.

Вместе с тем некоторым философам свойственны преувеличение ценности своих систем, противопоставление их

¹ Фихте И. Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. М., 1937. С. 86.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 149.

всем другим, как «одну лишь истинную философию» (Августин), как «подлинную философию» (Декарт), как «единственно научную философию» (Фихте). Кант считал свою философскую систему началом всей мировой философии, а Гегель — ее завершением. По гегелевскому образцу советские философы объявили марксистскую философию «высшей ступенью» в развитии философии и «единственно научной», хотя ее основоположники никогда на это не претендовали.

Наоборот, Энгельс высмеивал подобного рода взгляды, заметив, что, «когда обладаешь окончательной истиной в последней инстанции и единственно строгой научностью, то, само собой разумеется, приходится питать изрядное презрение к прочему, заблуждающемуся и непричастному к науке человечеству»³.

1. Основной вопрос философии

Теоретическая борьба в рамках одних и тех же или противоположных философских направлений велась на всех этапах развития философии, даже когда они еще не были строго дифференцированы на материализм и идеализм. Хотя не был еще сформулирован основной вопрос философии, он фактически всегда существовал на практике в борьбе философских направлений. Философская терминология обычно отстает во времени от своего фактического применения. Объективные процессы развития философской мысли нередко опережают свое отражение в головах мыслителей. Термины «материализм» и «идеализм» возникли лишь в XVII веке в трудах Лейбница, хотя эти направления начали отпочковываться еще в античном обществе.

Характерно, что в числе главных вопросов, волновавших философов в разные исторические эпохи, Б. Рассел ставит на первое место вопрос: «Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя?»⁴

Как верно отметил В. Гейзенберг, «характерной особенностью древнегреческого мышления было то, что первые философы искали материальную причину всех вещей»⁵. Уже в учении Демокрита находит свое выражение хотя и не развитая

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Соч. Т. 20. С. 30.

⁴ Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 7—8.

⁵ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 9.

философия античного материализма, прямо противопоставляемого идеализму, а философия Платона сознательно и последовательно направляется против материализма.

Однако противоположность материализма и идеализма никогда не была абсолютной. Так, Платон многое заимствовал у Демокрита, в частности, его учение об атомах⁶. В ряде идеалистических, как и материалистических систем различных эпох, есть соответственно элементы материализма или идеализма, но именно элементы при значительном преобладании основного направления.

Это характерно и для такого идеалиста, как Гегель, в системе которого были зачатки исторического материализма, хотя в целом его философия является примером монистического идеализма. Гегель остро критиковал материализм и даже делал вывод о том, что материализм как философия невозможен⁷.

Гегель впервые ввел в философский оборот понятие «партийность философии» как «партийность мнений и представлений»⁸. Под партиями философии он имел в виду не политические партии, а определенные группы людей, представляющих различные философские системы. Они различаются по двум подходам в исследовании — объективному и субъективному. Отсюда и гегелевские термины «объективная партийность» и «субъективная партийность».

С позиции объективной партийности, вытекающей из объективной закономерности, Гегель критикует субъективную партийность как «худшую партийность», которая совпадает с «беспартийностью»⁹.

В книге «Философия духа» Гегель осуждает требования, предъявляемые к истории философии, в которой не должны, как думают, «проявляться никакие пристрастия в пользу того или иного представления или мнения», а философ должен быть совершенно **беспартийным**. Это пошлая и самодовольная болтовня, замечает Гегель. И сам он во всей своей философской деятельности проявлял строгую партийность, ведя борьбу против материализма, отрицая его объективное значение.

⁶ Платон. Соч. Т. 1. С. 13.

⁷ Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 1. С. 217.

⁸ Гегель. Философия духа. Соч. Т. 3. С. 332.

⁹ Гегель. Философия духа. Соч. Т. 3. С. 330—331.

Таким образом, борьба двух направлений в философии есть объективный, закономерный процесс. Основной вопрос философии не изобретение марксистов, является реальностью, характеризующей всю историю философии задолго до марксизма на всех этапах ее развития.

В наше время предпринимаются попытки отрицания правомерности выделения основного философского во- : проса, ссылаясь на другие, не менее важные философские вопросы¹⁰. Здесь не учитывается, что их понимание в конечном счете опирается на то или иное решение основного вопроса, ибо «полярность материальное — духовное... входит во все философские размышления, составляет некий «нерв» любого конкретного философского вопроса, независимо от того, отдают ли философы себе в этом отчет»¹¹.

Но при всем его значении основной философский вопрос не следует и абсолютизировать, представлять борьбу двух направлений как единственный источник развития философии, упуская из виду, что она отражает не только их противоположность, но и единство. Другими словами, здесь действует закон единства и борьбы противоположностей, и первым, кто понял, что во всем многообразии философских систем они составляют диалектическое единство, был Гегель.

«Все философские системы, — писал он, — по существу, являются единой философией, находящейся в процессе развития»¹². В каждой из них есть не только «заблуждения человеческого духа», но и «частица абсолютного знания». При всех различиях философских систем история философии есть «закономерный процесс поступательного движения к абсолютной истине»¹³.

А это означает, что противоположность философских направлений не абсолютна, а относительна, ибо материя и сознание неотделимы друг от друга. Они, как верно заметил немецкий философ Карл Вайцеккер, являются различными аспектами одной и той же реальности.

И все философские системы, независимо от направлений, связывает единство цели в поисках и нахождении истины. Цель одна, а пути, способы ее достижения, так сказать, философские

¹⁰ Философская и социологическая мысль. Киев, 1992. № 4. С. 17.

¹¹ Введение в философию. Т. 1. М., 1989. С. 44.

¹² Гегель. Соч. Т. 11. С. 514.

¹³ Гегель. Соч. Т. 1. С. 147-148.

инструментарии, различны, многообразны, ибо зависят от взглядов мыслителей, их творческого опыта и своеобразной жизни.

Крупный вклад в историю философии вносил не только материализм, но и идеализм в лице своих выдающихся представителей. Это фактически отрицали многие философы.

Например, П. Копнин хотя и признавал необходимость использования того, что есть у философов-идеалистов, фактически же, ссылаясь на труды Айера, Поппера, Гуссерля, Карнапа, Рассела и других ученых, дает им неизменно одностороннюю оценку, видя в них только заблуждения и ошибки, всячески умаляя познавательную ценность идеалистической философии.

«Даже если идеалистическая концепция содержит научные факты, — писал он, — то это надо рассматривать не как ее силу, а как слабость идеализма, его эклектичность»¹⁴.

Ценные теоретические положения Гегеля усвоили и переработали основоположники марксизма, которые никогда не воздвигали китайской стены между различными философскими системами, видели в них ценное содержание, относились с огромным уважением к своим предшественникам, хотя многие из них были идеалистами, умели видеть в их учениях рациональные зерна и отделять их от плевел. Известны высокие оценки классиками марксизма заслуг классической немецкой философии, которая является теоретическим источником марксистской философии. Заслуживают внимания высказывания Ленина об «умном идеализме» Гегеля, Канта, Лейбница и других философов — представителей диалектического идеализма, которые стоят ближе к диалектическому материализму, чем метафизические материалисты.

2. О «классовости» философии

Многовековая история философии, отразившая дух своего времени, все многообразие теоретической мысли разных эпох и народов, позволяет понять сложный социальный характер философской науки, ее соотношение с классовыми, национальными, общечеловеческими ценностями, о чем до сих пор продолжаются дискуссии и споры.

¹⁴ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М., 1973. С. 69.

Глубоким заблуждением являлось общепринятое в философской литературе ряда стран, особенно в бывшем СССР, положение о классовом характере философии.

К любой философской системе в СССР приклеивался классовый ярлык. Философия Демокрита отражала интересы рабовладельцев, Платона — аристократии, философия Гегеля — немецкой буржуазии, Маркса — пролетариата и т. д. Разумеется, философы, имея определенные политические взгляды, выражают их в интересах тех или иных классов, но эти взгляды не имели отношения к выработанной ими философской системе, ибо, в отличие от политологии, она имеет общечеловеческое содержание, отражает интересы всего человечества.

С ложных позиций «классовости» философии формировалось отношение советских обществоведов к зарубежной философии, представители которой рассматривались не только как идейные противники марксизма, но и как классовые враги, «агентура империализма», хотя многие из них критиковали капитализм и лояльно относились к нашей стране.

Критика в их адрес не всегда была аргументированной, а по своей хлесткости и неуважительности нередко выходила за пределы теоретической полемики, что вызывало обоснованное недовольство зарубежных философов и ослабляло международное сотрудничество советских философов.

Делая экскурс в историю философии, академик Г. Й. Ойзерман обвинил всех домарксистских философов в служении эксплуататорским классам. Он резко обличает неискренность этих философов, их лицемерие и рабскую угодливость перед эксплуататорскими классами, их подчинение политической реакции, равнодушие к страданиям и борьбе угнетенных и эксплуатируемых¹⁵.

А отсюда следует, что домарксистские философы (здесь не делается исключения даже для материалистов) сознавали свою чуждую трудящимся классовость и, прикрываясь нейтральностью, фактически стояли на стороне эксплуататорских классов. Такую исторически неверную, неуважительную, притом огульную характеристику политического и нравственного облика большой группы философов следует решительно отвергнуть. Домарксистские философы по своему социальному положению хотя и принадлежали к разным, в том числе и к эксплуататорским

¹⁵ Ойзерман Т. Й. Главные философские направления. М., 1984. С. 266-267.

классам, выступали от имени всего человечества и имели на это моральное право, ибо их деятельность способствовала народному просвещению и общественному прогрессу.

За последние годы в процессе преодоления сталинских догматических наслоений в философии стало пересматриваться отношение марксизма к немарксистским философским течениям. В статье Т. Ойзермана «Марксизм и немарксистская философия XX века»¹⁶ автор пересматривает свои прежние взгляды и впервые исходит не из классового, а из общечеловеческого содержания философии, уже не отождествляя ее с идеологией. Но в своем понимании их соотношения автор все же проявляет непоследовательность и противоречивость. Так, с одной стороны, он убедительно отрицает буржуазный характер содержания философии Канта и Гегеля, а с другой стороны, продолжает связывать некоторые современные идеалистические системы с социально-политической позицией философов.

Так, в статье говорится о социально-политической гетерогенности неопозитивистской философии в связи с политическими взглядами ее представителей. В этой связи делаются выводы о классовом характере экзистенциализма, отчасти буржуазном, отчасти мелкобуржуазном. Политическая оценка философской системы как буржуазной означает не что иное как выражение в этой системе классовых интересов буржуазии. Но та философская характеристика, которую автор дает экзистенциализму, отнюдь не дает основания для такого политического вывода. Тем более что в ряде вопросов экзистенциалисты критикуют капитализм. Равным образом, классовый критерий не может быть применен и к другим философским течениям (неопозитивизму, неотомизму, постпозитивизму и др.).

Философия, как и все другие формы общественного сознания, была предельно политизирована, а философские системы напрямую связывались с политикой определенных классов.

«Любое отступление от марксистской философии, — писал академик П. Н. Федосеев, — ведет к уклонам в политике, к ошибкам в практической деятельности». «Тот, кто склоняется к вульгарному экономическому материализму, тот в политике обязательно гнет к правому оппортунизму, к откровенному ревизионизму»¹⁷.

¹⁶ Ойзерман Т. Й. Философские науки. 1991. № 7. С. 8—13.

¹⁷ Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978. С. 264.

Такую упрощенную трактовку связи между философскими и политическими взглядами подвергал критике еще Г. В. Плеханов. «Мыслитель, сочувствующий **реакционным** стремлениям в общественной жизни, может тем не менее создать философскую систему, заслуживающую полного внимания, даже **сочувствия** со стороны прогрессистов. Надо уметь различать между теоретическими посылками данного писателя и теми **практическими выводами**, которые он сам делает из своих-теоретических посылок»¹⁸.

А это означает, что нельзя смешивать и отождествлять философскую и политическую партийность, которые во многих случаях у одних и тех же лиц могут не совпадать.

В. И. Ленин всегда разграничивал эти понятия, как это имело место в книге «Материализм и эмпириокритицизм», где под партиями в философии имелись в виду не политические партии, а различные философские направления.

Отсюда следует, что если философы переходят на новые политические позиции, то это не обязательно влечет за собой изменения в их философских концепциях, как это мы видим на примере К. Ясперса, Ж. П. Сартра и ряда других философов. Равным образом и изменение философских взглядов в большинстве случаев не ведет к смене политического кредо.

Но было бы другой ошибочной крайностью не видеть влияния на представителей философии правящих политических группировок как в советское время, так и ныне. Здесь сказываются отнюдь не славные традиции философов и ученых, значительной части советской интеллигенции. Дорогую цену заплатили общество, наука и философия за пресмыкательство их представителей перед сталинским режимом.

Как тут не вспомнить ответы И. Канта на вопрос: «Согласен ли он с тем, что философия — слуга политики?» «Слуги бывают разные, — сказал он, — один несет позади зонтик, а другой идет впереди с фонарем и освещает дорогу»¹⁹. К сожалению, в советском обществе среда философов оказалось больше зонтиконосцев, чем путеводителей. И при происшедшей ныне смене существующего строя они только поменяли цвета своих зонтиков и идут за своими новыми хозяевами. А для этого и перестраиваются на новый лад. Сжигают все, чему много лет поклонялись, но отнюдь не поклоняются перед тем, что сжигают.

¹⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 11. М., 1956. С. 682.

¹⁹ Кант И. Т. 6. С. 289.

А ведь среди них есть немало лиц, удостоившихся высоких ученых званий и степеней, а также высоких правительственных наград именно за разработку и пропаганду той идеологии, которую они ныне шельмуют. Трудно думать, что все они в прошлом были убежденными марксистами, вернее, они искусно играли эту роль «на публику», глубоко не восприняв марксизм, а лишь приспособившись к нему как к ведущей идеологии. Поэтому им не понадобилось много времени, чтобы перестроиться на новый лад и приспособиться к противоположной идеологии и ее носителям.

Здесь, несомненно, действуют сугубо личные обстоятельства, стремление и при новой власти не утратить, а сохранить свое ведущее положение в сфере общественных наук в вузах и научных учреждениях, а равно и избежать возможных неприятностей со стороны новых властей и руководящих идеологов «демократической» (читай: буржуазной) идеологии.

Однако, если послушать ведущих философов, порвавших с марксизмом, о побудительных мотивах их идеологического поворота, то мы услышим, что они отнюдь не носят субъективного характера, а объясняются... особенностями «новой эпохи», требующей коренной смены идеологии.

Как утверждает академик В. И. Шинкарук, кардинального изменения философских взглядов требует якобы новая эпоха²⁰.

Аналогично этому академик Т. Й. Ойзерман заявляет, что реалии современной эпохи ставят перед мыслящим человечеством задачу выживания. В этом якобы причина изменения отношения к марксистской философии²¹.

Но разве новая эпоха, о которой он пишет, наступила только теперь, а не много лет назад, когда было изобретено и практически применено атомное оружие и когда возникла реальная опасность физического уничтожения всего живого на Земле?

Разве критика марксизма и переход марксистов на позиции идеалистической философии имеет какое-либо отношение к проблеме выживания перед лицом атомной угрозы?

Как видим, ссылки на новую эпоху лишены каких-либо оснований, и это особенно показал академик В. Шинкарук.

²⁰ Цит. по: Философская и социальная мысль. К., 1994. № 1. С. 4.

²¹ Цит. по: Философские науки. 1991. № 7. С. 3.

«Новая эпоха, — пишет он, — требует новой философии»²². Но если посмотреть на то «новое», что он предлагает, то станет ясно, что это совсем не новое, а очень старое, десятки лет варьируемое в западной философской литературе, и можно назвать авторов тех концепций, которые предлагает Шинкарук. «Теория цивилизаций» взамен теории общественно-экономической формации была выдвинута А. Тойнби еще сорок лет тому назад. Теория «постиндустриального общества» — ее авторы Д. Бэлл и Р. Арон. Теория «социального партнерства» — Р. Даррендорф. То, что раньше считалось пороком, теперь выдается за добродетель.

В прошлом экзистенциализм неизменно трактовался как «антигуманизм». Теперь, наоборот, признается, что это гуманистическая философия. Критика индивидуализма сменилась его одобрением.

Этот список можно бы и продолжить, чтобы убедиться, что под «новой» философией отступники от марксизма имеют в виду ту зарубежную философию, которую они остро критиковали много лет, а теперь фактически перешли на ее позиции.

Стало быть, дело не в эпохе, не в ее требованиях, а в конъюнктурных соображениях ведущих философов в связи с новыми политическими условиями. И не случайно такое внезапное и скороспелое озарение охватило сознание ряда философов именно теперь, когда захватившие власть правые силы и их пресса объявили поход против марксизма и его философии. Они и открыли «зеленую улицу» для восхваления идеалов капитализма и затушевывания его противоречий.

Однако эти акции, положительно встречаемые в странах бывшего СССР, не получили адекватного отражения в зарубежной философской литературе, где авторитет марксистской философии несколько не снизился. Более того, многие представители немарксистской философии и даже некоторые противники марксизма широко используют его положения, многократно их цитируют в своих трудах. Даже такой безусловный оппонент марксизма, как папа римский Иоанн-Павел II, недавно в одном из своих выступлений отметил положительное содержание марксизма.

И как бы ни изошрялись наши отечественные обществоведы в критике марксизма, он был, есть и остается одним из ведущих

²² Цит. по: Философская и социальная мысль. К., 1994. № 1. С. 4.

направлений и крупнейших достижений мировой философской и общественной мысли. И эта его высокая ценность непререкаема, что, однако, нисколько не означает отказа от конструктивной критики марксизма, тех его положений, которые утратили свою актуальность либо были искажены сталинизмом.

Получившие в советской литературе широкое распространение взгляды о классовости философии необоснованно приписываются классикам марксизма. В действительности же ни Маркс, ни Ленин такой оценки философии не давали, ибо ни философский материализм, ни идеализм, гносеология и онтология, а равно и философская методология не имеют непосредственно классового содержания.

Характеризуя роль и значение философии, Энгельс подчеркивает ее всеобщее, общечеловеческое содержание, ибо «ее интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной для некоторых; ее метафизические истины не знают **границ политической географии**»²³ (выделено мною. — М. Д.). Эту цитату до сих пор никто из авторов в оборот не вводил, очевидно, ввиду ее явного несовпадения со взглядами многих из них.

Между тем именно в упомянутом положении устанавливаются существенное различие между философией и политикой, неправомерность их отождествления. Разумеется, это не означало отрыва философских систем от социально-политических условий своего времени, но «их отношение к классовому размежеванию сложнейшим образом опосредованное и неоднозначное»²⁴.

Борющиеся классы не нейтральны, не безразличны по отношению к философским системам, так как нуждаются в теоретическом обосновании своих интересов. В этой связи Маркс писал о том, что пролетариат видит в философии свое духовное оружие²⁵, а Ленин отмечает классовое использование буржуазией некоторых философских направлений, например махизма²⁶.

И в том, и в другом случае речь идет не о классовом содержании философских теорий, а об их использовании в интересах того или иного класса. А это факторы далеко не однозначные.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 101.

²⁴ Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1967. Т. 4. С. 217.

²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 428.

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 5. С. 25-26.

3. О «национальном» характере философии

Наряду с «классовостью» философии в современной литературе имеют место и утверждения о «национальном характере» философии, содержание которой зависит от особенностей развития определенных наций и отражает их особенные, национальные черты, отличающие их от других наций. Отсюда и своеобразно понимаемый термин «национальная философия».

Многие нации вносят свой вклад в мировую философскую сокровищницу, сумели создать свои оригинальные философские системы. И в этом смысле мы можем говорить о русской, украинской, немецкой и другой философии, в которой воплощен труд философов данной нации или страны и отражены те или иные особенности ее развития, ибо различны пути ее исторического развития в каждой стране. Но от этого данная философская система не становилась национальной, ибо создавалась не на пустом месте и неизменно отражала философское наследие, созданное многими другими нациями. А то, что было рождено в одной стране, если оно общезначимо, то из национального неизбежно превращается в интернациональное, становится достоянием мировой философской мысли.

Если бы действительно каждой нации были присущи особые, специфические черты философского познания, то чем же можно объяснить, что в недрах одной и той же нации возникают глубоко различные, даже противоположные философские системы?

Что общего, например, какие общие национально-философские черты объединяют философию Плеханова с философией Бердяева, хотя оба они принадлежали к одной нации и творили в одной и той же стране? И даже то национальное, что было в их социально-философских системах — пути исторического развития России, они отображали по-разному, исходя из своего мировоззрения.

Или, что общего между теориями Т. Гоббса и Д. Беркли, хотя оба они сформировались в одной и той же английской нации и действовали к тому же в одном и том же XVIII веке?

Эти сравнения можно было бы продолжить и на других примерах.

А отсюда вытекает непреложный вывод о том, что ненациональные черты русского или английского народов стали основой для создания упомянутых философских систем, якобы национальных по своему содержанию. Это результат

выдающейся мыслительной деятельности и высокой философской культуры крупных философов, позволивших им создать общезначимые философские ценности.

Как писал Ф. Ницше, любая великая философия — исповедь своего сочинителя, руководствующегося моральными намерениями и особенным влечением к познанию²⁷.

Можно вполне согласиться с мнением профессора университета Вирджинии Ричарда Рорти, где он высмеивает тех философов, которые утверждают, что каждой нации нужна своя философия для выражения ее уникального опыта, подобно тому, как ей нужны национальные гимн и свой флаг²⁸.

Аналогичные взгляды еще 150 лет тому назад критиковал Ф. Энгельс, едко высмеивая попытки придания местнического характера философии.

«Должна ли философия, чтобы не впасть в противоречие с основными положениями догмы, иметь особые принципы для каждой отдельной страны соответственно поговорке: «Что город, то нор»²⁹.

Энгельс выступает против смешения иллюзорного горизонта национальных воззрений с истинным горизонтом человеческого духа. В то же время перу Энгельса принадлежит и оценка некоторых национальных традиций отдельных народов в сфере философии, но и этим фиксировалась лишь их сопричастность к творению общечеловеческих ценностей, составляющих мировую философскую сокровищницу.

Материя и сознание, пространство и время, содержание и форма, сущность и явление, качество и количество и многие другие философские понятия со времен Аристотеля и вплоть до наших дней несут в себе объективное общечеловеческое содержание, независимое ни от классов, ни от наций, имеют всеобщий, космополитический характер. Это совокупный результат философского развития всего человечества, выраженный в трудах выдающихся умов — представителей всех народов, классов, наций.

«История философии, — писал В. С. Соловьев, — есть выражение всечеловеческого процесса искания истины в свободе и, следовательно, объективного процесса соотнесения исторического человечества с положительным всеединством».

²⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Цит. по: Вопросы философии. 1985. № 5.

²⁸ Вопросы философии. 1994. № 6.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 101.

Философия — это «жизненный интерес всего человечества» и служит человечеству³⁰.

Резюмируя изложенное, мы подчеркиваем ошибочность положений о классовости и национальном характере философской мысли, имеющей надклассовый и наднациональный, общечеловеческий характер как одну из величайших человеческих ценностей, гордость всего человечества.

И те, кто утверждает классовость философии, при всем различии их исходных начал объективно или субъективно действуют в одном и том же направлении — берут курс на разъединение, разгораживание и изоляцию разнородных философских систем, искусственно расчлняют единую в своем многообразии мировую философскую мысль, раскладывают ее на составные части, на классовые или национальные полочки, выхолащивают ее общечеловеческое содержание, независимое от классовых или национальных противоречий.

Совокупная философская мысль человечества, независимо от стран и мыслителей, ее развивавших, имеет своей социальной основой общечеловеческие приоритеты и ценности — гуманизм и гуманистическое развитие человека, всех его способностей и дарований, социальную справедливость и демократические права всех людей, независимо от классовой, национальной, религиозной принадлежности. Мировая философия обосновывает социально-культурный и научно-технический прогресс общества во имя удовлетворения потребностей, интересов и чаяний всего человечества.

Этим целям служит международное сотрудничество философов всех стран и направлений независимо от имеющихся между ними разногласий. Столкновение разных точек зрения, корректная полемика между представителями разных философских систем могут и должны способствовать взаимному обогащению и более успешному решению общезначимых проблем современности. Ибо, каковы бы ни были разногласия между философами, всех нас связывает единство мировой философской мысли. Мы все принадлежим к одной единой науке — философии, разными путями стремимся решать глобальные общечеловеческие проблемы в целостном противоречивом мире, осуществляем творческие поиски объективной истины.